

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ЭТНОСА: ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ

А.Д. Каксин, д-р филол. наук, вед. науч. сотр.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
(Россия, г. Абакан)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-6-3-28-33

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных линий связи и взаимодействия языка и культуры этноса. Автор останавливается на некоторых постулатах общетеоретического характера, соотносящих язык и культуру (материальную и духовную). В связи с этим актуализируется ряд лингвистических работ, выполненных в русле культурологического и когнитивистского подхода. После рассмотрения практики изучения словесных табу, цветообозначений, некоторых других явлений сделан вывод о результативности логико-семантического подхода к проблеме отношений между языком и культурой этноса. Показано, что при таком подходе обнаруживаются многие языковые явления, имеющие отчетливую когнитивную основу, обусловленные образом жизни этноса, его ментальностью. Это не только отдельные слова (или лексические группы), но и фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, другие идиомы, а также грамматические формы, конструкции и модели. Утверждение о неразрывной связи этнической культуры и языка основывается на факте наличия большого числа языковых явлений, отражающих способы и результаты человеческого познания, явлений, обусловленных спецификой образа жизни и отдельными чертами мировоззрения.

Ключевые слова: язык, этническая культура, когнитивная функция языка, общее языкознание, лингвистическая типология, хантыйский язык, хакасский язык.

Лингвистическое и философское обоснование связи этнической культуры и языка предполагает особый интерес к проблемам познания, отражения и преломления в лексике, грамматике, прагматике языка мировоззрения народа. В истории языкознания известно много концепций по данной проблематике, но особенно часто предметом споров, критики, а также дальнейшего развития становилась гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности). В согласии с нашими целями мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых усматриваются положительные моменты, связанные с данным направлением мыслей о языке [Корнилов 2003: 78; Кронгауз 2001: 107-110; Плунгян 2000: 109; Чесноков 1977: 9-19].

М. И. Черемисина очень точно сформулировала суть двух разных языковых проекций окружающего мира. «На интерес-

ную чисто семантическую особенность языков американских индейцев обратил внимание ... Б. Уорф: эти языки совершенно чужды той метафоризации, которая насквозь пронизывает европейские языки и ощущается их носителями как “природное свойство” человеческого сознания. Суть этого принципа – пространственное представление непространственных отношений. ... Американским индейцам совершенно чужд такой тип переносов» [Черемисина 1992, 76].

Очевидно, в указанных языках определения и предикаты пространственной семантики не могут быть использованы в высказываниях о временных явлениях (и наоборот). И можно назвать еще много языков, где просматривается та же стратегия – не смешивать время и пространство, детализировать их разными словами (и способами). К примеру, в финском языке, как и в других финно-угорских языках, для

такой детализации вырабатываются многочисленные аналитические формы, в т. ч. с участием послелогов (хотя иногда встречаются и предлоги).

«Аналитизм проявляется в явлении твердого порядка слов в послеложных конструкциях и т. н. отрицательных глаголах, в появлении послеложно-именных сочетаний вместо падежных форм. К примеру, вместо слов в комитативе и абессиве участвовали послеложные конструкции» [Цыпанов 2008: 157]. Хантыйский язык относится к этой же группе, с некоторыми оговорками. Можно добавить, что многие черты (явления) в лексическом и грамматическом строе современных языков восходят к явлениям, присущим еще языкам-предкам. Одним из примеров для подтверждения данного тезиса является сравнительный материал хантыйского и ненецкого языков. Изойдя от одного корня, в дальнейшем они развили как сходные, так и отличительные черты в самых разных языковых сферах: фонетической структуре слова, элементах флективности в грамматическом строе, в наборе заимствований, структуре категории принадлежности, трехчастной системе грамматического числа и других сферах [Черемисина 1992: 83-85].

Очень показательные отличия между языками наблюдаются в таком важном фрагменте, как обозначение цвета. «Различие лексики разных языков в этой области очевидно. Так, русским словам *голубой* и *синий* соответствует лишь одно английское слово *blue*. Напротив, русскому слову *красный* соответствуют два венгерских слова *voros* и *piros*. Польские слова *niebieski* и *granatowy* также соответствуют английскому *blue*, но при этом членят область синего цвета не так, как два русских слова. В языке навахо не различаются синий и зеленый, зато существует два слова, соответствующих черному: условно говоря, “черный, как тьма” и “черный, как уголь”» [Кронгауз 2001: 110-111]. Можно добавить, что и в тюркских языках, подобно навахо, синий и зеленый выражаются с помощью синкретичного слова (көк), обладающего сложной семантической структурой [Ойроткина 2021]. Общая законо-

мерность, видимо, такова: не столь важно, сколько слов, непосредственно обозначающих цвет; с помощью некоторого наличного набора слов необходимо выразить весь наблюдаемый зрением спектр.

Очень мало слов-цветообозначений в казымском диалекте хантыйского языка. «Для «черного» ... используется слово *питы*, предположительно родственное однокоренному *пйтлам* ‘темный’, для «белого» – слово *нуви*, обозначающее также «свет», «луна», для «красного» – слово *вўрты* (от *вўр* ‘кровь’). Одно и то же слово *вусты* используется для недифференцированного обозначения оттенков желто-зелено-синего спектра. В настоящее время дифференциация цветообозначений достигается использованием словосочетаний с базовым словом, представляющим собой эталон сравнения («как небо», «как трава» и др.). По происхождению эти слова являются глагольными формами, что указывает на процессуальный, а не признаковый характер обозначаемого явления. Аналогично и в ненецком языке: в словарях цветообозначения описываются как глаголы» [Кошкарева 2020: 152].

В целом ряде финно-угорских языков обозначение белого и черного основывается на внутренней форме исходных слов (корней). Эти первоначальные корни чаще всего связаны с выражением значений ‘вода’, ‘лед’, ‘литься’ и ‘земля’, ‘зола’, ‘грязь’ [Основы 1974: 413-414]. В самодийских языках логико-семантическая связь между “светлым” ~ белым и “грязным” ~ черным не устанавливается. К примеру, в ненецком языке много слов, обозначающих снег и лед; от некоторых из них “тянется ниточка” к слову со значением ‘белый’, но различение идет по признаку мягкости-твердости [Лаптандер 2014: 424-426].

Далее, для иллюстрации сходств и различий между языками, возьмем явление словесного табу. В частности, представляет интерес сравнение “медвежьего языка” в хантыйском языке и “подставных слов” хакасского языка (функционирующих в основном в сфере лексики охотничьего промысла). При этом табу анализируется как запрет, связанный с магической функцией языка (речи), как явление, характер-

ное для языков, сохраняющих лексику архаичной культуры. Можно предполагать, что обнаружение табу в том или ином языке связано с наличием в культуре народа особых отношений с каким-либо представителем животного мира, который вызывает страх. Дальнейшее распространение этого явления – появление большого по объему разряда табуированных слов – также предсказуемо, такая лексическая группа складывается во всех языках, а различие в конкретном выражении объясняется разными условиями и способами какого-то важного, особого вида деятельности этноса, в основном – охоты. Выдающийся финно-угровед В. Штейниц писал, что представляет большой интерес охотничий язык ханты (остяков). «При охоте на некоторых диких зверей, а именно на медведя, волка, лося и бобра, нельзя употреблять обыкновенные названия для них или частей их тела, так как на них наложено табу; в этих случаях употребляются специальные термины. Особенно богат так называемый “медвежий язык” (*voj jasaŋ* ‘зверя язык’), в словарь которого входят около 100 слов, обозначающих не только самого медведя и части его тела, а также почти все предметы и действия, связанные с охотой на него тем или иным образом. В большинстве своем “медвежьи слова” носят описательный характер» [Штейниц 1937: 225].

Далее в рассматриваемом очерке для примера приводятся некоторые слова “медвежьего языка”: нос медведя ~ *xaŋa* ‘муравей’, лоб медведя ~ *saŋxum* ‘гора’, голова медведя ~ *woŋ* ‘город’, кишка медведя ~ *tiŋsaŋ* ‘аркан’, ружье ~ *sijŋ ut* ‘шумное нечто’, лук ~ *küsi* ‘обруч’, ложка ~ *saw* ‘сорока’, лошадь ~ *warsaŋ* ‘волосатая’, щука ~ *tijaŋ nuł* ‘острый нос’, есть (про медведя и охотника) – *woŋsti* ‘собирать’ [Штейниц 1937: 226].

Возникновение этого специального “медвежьего языка” естественно связывать с выработанным ханты (совместно с родственными манси) и хорошо фиксировавшимся еще в середине прошлого века культом медведя. Зверя этого можно добывать, но на него не охотятся специально; напротив, встречи с медведем стараются

избегать, его боятся, и как следствие этого – возникает культ медведя, после “нечаянной добычи” / убийства зверя проводится т. н. медвежий праздник. Основу всех речей и песнопений, связанных с медведем, составляет особая лексика – табу. Отношение к другим зверям – несколько иное. Они не вызывают панический страх, на них ведется охота, после их добычи не устраивается священный ритуал, они не становятся объектом религиозного культа для всего народа. Конечно, события, связанные с охотой, часто сопровождаются обрядом, но мотивировка совсем другая: в отличие от “медвежьего праздника”, на котором одновременно замаливается грех и возносится хвала, воздаются почести медведю (как брату человека), обряд, связанный с охотничьим или рыбным промыслом, совершается до его начала. И во время его проведения духам данного места дается угощение, приносится жертва. Таким образом, имеется только один “общий момент”: при упоминании о некоторых животных (и в целом в разговорах на охоте) широко употребляются слова-заместители. Их и называют подставными названиями, или – табуированными словами.

У хакасов нет культа медведя, но все же и в хакасском языке возник круг слов, составляющих специальный охотничий язык. Этот язык, в свою очередь, неразрывно связан с тем образом жизни, который вели хакасы-охотники. Вот, например, что пишет об охоте хакасов известный этнограф К. М. Патачаков: «Основными видами техники, которыми пользовались хакасские звероловы с давних времен для добычи зверей, были различные ловушки своеобразной конструкции, загороди, петли и сети. Позже появились кремневые ружья и капканы. ... На каждый вид зверя существовали своеобразные приемы». Характерные способы охоты существовали на медведя, марала, лося, рысь, соболя, выдру, белку, волка» [Патачаков 2006: 10, 13-21].

Каковы бы ни были приемы охоты, все они сопровождались исполнением охотничьих религиозных обрядов. Соответственно, мы видим здесь ситуацию, во многом

аналогичную описанной выше (т. е. у ханты), с той лишь разницей, что источником поклонения не является реальный зверь – медведь. Но в любом случае и для хакасского языка (или, лучше сказать, для предшествовавших ему тюркских диалектов) можно фиксировать важный момент появления табу и табуированных слов – они появляются вследствие наличия системы запретов и осознания непосредственной связи между предметом (некой сущностью, субстанцией) и словом.

В данном случае нас интересует общее и отличительное между двумя системами (в двух языках) в лингвистическом смысле. Общее заключается в том, что в обоих случаях просматривается основной принцип или, иначе, вполне определенная тенденция языка: заменять одни слова (или выражения) другими. Очевидно, что иерархию подходящих под этой случай единиц языка можно выстроить в зависимости от степени сакральности. Соответственно, можно предложить следующую градацию: собственно табу – табуированные слова (подставные названия). К числу табуированных слов относятся подставные названия в хакасском языке. «Медвежий язык» в составе хантыйского языка может служить ярким примером формирования собственно табу.

Слов хакасского языка, претендующих на то, чтобы быть зачисленными в разряд табу, очень мало. Считаем, что самым «близким к табу» можно считать только одно: аґаң ‘дедушка твой’ (медведь). И слово *улаба* ‘дедушка’ (медведь), видимо, тоже должно проходить по разряду табуированных названий (и лишь в определенных контекстах – табу). Все остальные, о которых написано у известного этнографа – знатока охоты, представляются табуированными словами охотничьего языка хакасов: сӱӱк пас ‘костяная голова’ (белка), саарасхыр ‘соловый жеребец’ (колонок), чирік пурун ‘раздвоенный нос’ (заяц), сазах оды ‘пахучее курево’ (табак), кистіг ‘резак’ (нож), сапачах ‘топор’ (топор), атынчаң ‘то, чем стреляют’ (ружье), тоғлах ‘круглый’ (пуля), піденген ‘замаранная’ (собака), хызарған ‘краснеющее’ (мясо) [Патачаков 2006: 28-29].

В табу и эвфемизмах наиболее концентрированно выражаются представления о запретном (или непубличном) для данного этноса. В контексте сравнения языковых картин мира адекватным представляется вывод о том, что охотничьи слова хакасского языка занимают промежуточное положение между “медвежьим языком” хантыйского языка и эвфемизмами в современных языках. Вообще, различение табу и эвфемизмов заставляет исследователя правильно оценивать “вклад” мифологического и обыденного, прагматичного сознания в формирование отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

Далее рассмотрим содержательное наполнение хантыйских загадок, представляющих собой, как и в любом другом языке, зашифрованное представление о человеке и окружающем его мире. Говоря иначе, в загадках шифруется представление о том или ином предмете (явлении), его ярких отличительных признаках, свойствах. В загадках встречается множество изобразительных слов и выражений. При анализе загадок становится понятно, что любой язык имеет достаточный набор средств для воплощения множества вариаций на тему “как словами обрисовать тот или иной предмет, описать то или иное явление”. Замечательно сформулировала мысль об этой разносторонности языка выдающийся филолог М.И. Черемисина: «любой язык ставит нас перед необходимостью и одновременно дает нам возможность представлять континуум мироздания как дискретное множество разных вещей, которое поддается упорядочению при помощи системы идей, являющихся значениями слов» [Черемисина 1998: 23].

Без сомнения, в загадках зашифровано представление о том или ином предмете (явлении). Загадка представляет собой символическое и образное описание в целом знакомого предмета (явления) окружающего мира. Ниже приведем ряд хантыйских загадок, записанных у носителей казымского диалекта хантыйского языка.

Нэмулты хоятн ан пакнуптыйла, топ лыв ал торилат (Хоп юх лыплат) – Никто их не пугает, но они дрожат (Листья осины); Ешлы, лаюмлы ай хотые верум

(Тыхл) – Без рук, без топора построен домик (Гнездо); Вурнган, вонтиган кутн нымланг хо янгал (Вонтр) – В чаще леса ходит мужик на лыжах (Выдра); Ил ул – калась, нух кил – нял курпи волас (Амп) – Ляжет – калач, встанет – стол с четырьмя ножками (Собака); Юх тыйн сэванг акань (Лангки) – На вершине дерева красивая кукла (Белка); Кэрт кўтуп лыптанг юх (Пёсанг) – Посреди селения развесистое дерево (Дым) [Методические рекомендации 1990: 6-8, 16-17].

Общий вывод здесь только один: в структуре самих загадок имеются скрытые “подсказки”: часто в повседневной речи так и говорят о том или ином предмете; сравнение, как правило, также идет в русле устоявшихся в сознании клише (о подобии определенных явлений).

Отношения между языком и мировоззрением включают процессуальный характер познавательной способности, внутреннюю таксономию культурных концептов, закономерности структурно-семантической организации грамматических категорий и словарного состава. Выявление этнической специфики предполагает учет взаимодействия языковых, этнокультурных и психологических факторов в функционировании языка, выяснение роли различных языковых единиц в настройке системы коммуникации. Языковые явления,

единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

Рассматривая подобные языковые явления, можно сделать определенные выводы о связи языка и культуры, о наличии в каждом языке особенных способов концептуализации и категоризации мира. Все они, так или иначе, отражают сложные отношения между языком и культурными концептами. Глубоко спрятанные смыслы, являясь результатом познавательной деятельности этноса, опираются на модели, проистекающие из особенностей мышления. В большинстве своем эти исходные данные, конечно, преломлены в языке, но некоторые явления и формы остаются тесно связанными с характеристиками этнической специфики.

Таким образом, глубокий семантический анализ позволяет увидеть непосредственную связь между ментальной деятельностью человека и определенными языковыми явлениями. Познание способов этой связи позволяет детально изучать лексикон (словарь), разговорный и художественный дискурс носителей языка.

Библиографический список

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. – 2020. – №2. – С. 152-166.
3. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 399 с.
4. Лаптандер Р. И. Терминология снега и льда в ненецком языке // Вопросы уралистики 2014: Научный альманах. – СПб: «Нестор-История», 2014. – С. 423-428.
5. Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок / составитель Е. А. Немысова. – Ханты-Мансийск, 1990. – 18 с.
6. Ойноткинова Н. Р. Цветообозначение көк ‘синий, голубой, сивый’ в мифопоэтике алтайцев // Многогранный мир традиционной культуры и народного художественного творчества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции в рамках Всероссийского конкурса AR/VR “Хакатон в сфере культуры”. – Казань, 2021. – С. 70-72.
7. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 434 с.
8. Патачаков К. М. Некоторые сведения об охоте хакасов // Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск №1. – Абакан, 2006. – 38 с.

9. Плуноян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
10. Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. – Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2008. – 216 с.
11. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие. – Новосибирск, 1992. – 92 с.
12. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики. – Новосибирск, 1998. – 128 с.
13. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М.: Наука, 1977. – С. 7-62.
14. Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть I. – Л.: Учпедгиз, 1937. – С. 193-227.

LANGUAGE AND CULTURE OF ETHNOS: DIALECTICS OF COMMUNICATION

A.D. Kaksin, *Doctor of Philology, Leading Researcher*
Khakass State University named after N.F. Katanova
(Russia, Abakan)

***Abstract.** The article is devoted to identifying the main lines of communication and interaction between the language and culture of the ethnic group. The author dwells on some postulates of a general theoretical nature, correlating language and culture (material and spiritual). In this regard, a number of linguistic works carried out in line with the culturological and cognitivist approach are being updated. After considering the practice of studying verbal taboos, color designations, and some other phenomena, a conclusion was made about the effectiveness of the logical-semantic approach to the problem of relations between the language and culture of an ethnic group. It is shown that this approach reveals many linguistic phenomena that have a distinct cognitive basis, due to the way of life of the ethnic group, its mentality. These are not only individual words (or lexical groups), but also phraseological combinations, proverbs, sayings, other idioms, as well as grammatical forms, constructions and models. The statement about the inseparable connection between ethnic culture and language is based on the fact of the presence of a large number of linguistic phenomena that reflect the methods and results of human cognition, phenomena due to the specifics of the way of life and certain features of the worldview.*

***Keywords:** language, ethnic culture, cognitive function of language, general linguistics, linguistic typology, Khanty language, Khakass language.*